

Научная статья
УДК 323.1(517.3)
DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-91-99

КОМИНТЕРН В НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© Батунаев Эдуард Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
batunaeveduard@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные и узловые вопросы отечественной историографии, теоретические и методологические аспекты политики Коминтерна в национально-революционном движении монгольских народов. Актуальность обусловлена тем, что в настоящее время в научном дискурсе все больше внимания уделяется изучению революционных процессов в более широком историческом контексте, в рамках транснациональной истории. Автор приходит к выводу, что внешнеполитический курс Коминтерна был направлен на распространение идей мировой революции и борьбы с международным империализмом. В связи с поражением революционного движения в Европе азиатское направление революционизации стало наиболее перспективным. Коминтерн выступал в роли своеобразного коридора для распространения идей мировой революции на Восток, в первую очередь в Китай. В политике Коминтерна Монголия занимала важное место в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов — панмонголизма. С изменением международной ситуации и военной угрозой со стороны Японии Коминтерн занимался укреплением собственных позиций, поддержкой «левых» во внутривнутриполитической борьбе, а также двусторонними советско-монгольскими отношениями.

Ключевые слова: Коминтерн, Монголия, революционизация, панмонголизм, «монгольский вопрос», геополитика.

Для цитирования

Батунаев Э. В. Коминтерн в национально-революционном движении монгольских народов // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 91–99.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства». № 121031000241-1).

В 1911 г. после Синьхайской революции Монголия, входившая в состав Цинской империи, взяла курс на отделение и создание самостоятельного государства. Джебцзун-Дамба-хутухта, духовный лидер и глава буддийской церкви, был провозглашен теократическим монархом Монголии. Монголы в поиске поддержки в отстаивании независимости обратились за помощью к России. В тех исторических условиях Россия, имевшая свои непосредственные геополитические интересы в Монголии, оказала дипломатическую поддержку монголам и взяла на себя роль посредника в решении т.н. «монгольского вопроса». Для России Монголия имела важное значение в торговом отношении, а также выполняла роль своеобразного «буфера» в потенциальной агрессии с востока. Тем самым «монгольский

вопрос» для царской, а затем Советской России оставался одним из приоритетных направлений в первой половине XX в.

В рамках реализации внешнеполитического курса Россия подписала серию договоров с Монголией и Китаем (1912 г., 1913 г. 1915 г.), в результате был официально закреплён юридический статус Монголии, который определялся как широкая автономия в составе Китая. Это стало возможным благодаря усилиям российских дипломатов, прежде всего И. Я. Коростовца, которые сумели добиться в непростых условиях подписания русско-монгольского договора, по которому Монголия «де-факто» стала независимым государством. Революционные события привели к ослаблению позиций России в Монголии, в итоге произошел окончательный слом «кяхтинской системы», служившей гарантом сохранения монгольской государственности.

Воспользовавшись сложным положением северного соседа, Китай в 1919 г. аннулировал автономию Внешней Монголии вопреки ранее подписанному соглашению. Китайские войска во главе с генералом Сюй Шучжэном заняли Ургу и выдвинули требования, состоявшие из 64 пунктов, главной из которой была ликвидация автономии.

Под влиянием октябрьских событий 1917 г., произошедших в России, в Монголии начинают создаваться первые революционные кружки и активно развиваться национально-освободительное движение. Монгольские революционеры обратились за помощью к Советской России, поскольку она могла реально помочь в сохранении независимости. В Советскую Россию была отправлена делегация монгольских революционеров, вошедшая в историю как «знаменитая семерка» (Д. Сухэ-Батор, Данзан, Лосол, Чагдаржав, Догсом, Л. Дэндэв, Х. Чойболсан) с обращением за помощью, которую встретил заведующий монголо-тибетского отдела Э.-Д. Ринчино и представил ее секретарю Дальневосточного секретариата ИКККИ Б. З. Шумяцкому.

По мнению А. С. Железнякова, в ходе встреч и обсуждений с советскими представителями монгольская делегация все больше склонялась к мнению об их участии в большевистском движении и создании при помощи Советской России своеобразной степной коммуны [4, с. 49]. Поворотным моментом стала встреча монгольской делегации с В. И. Лениным, на котором был окончательно взят курс на некапиталистический путь развития Монголии для достижения хозяйственной и государственной независимости вместе с рабочими и крестьянами Советской России [6, с. 662]. Кроме того, территория Монголии расценивалась большевистским руководством как плацдарм, через которую в дальнейшем можно распространять идеи мировой революции.

В структуре Коминтерна были организованы отделы и секции для поддержки антиколониальной борьбы и национально-освободительного движения в разных частях мира [1, с. 10]. За распространение революционных идей в азиатском направлении отвечал Восточный отдел, созданный 11 декабря 1919 г.

Также была образована секция восточных народов (далее — СВН) при Сибирском бюро ЦК РКП(б), в которую вошли японский, корейский, китайский, монголо-корейский отделы. В результате преобразований СВН стала подчиняться Дальневосточному секретариату ИККИ [Там же, с. 26]. Главой был утвержден Борис Захарович Шумяцкий, известный революционер, один из активных участников монгольской революции 1921 г., член Реввоенсовета 5-й армии, член

Сиббюро ЦК, уполномоченный наркомата иностранных дел по Сибири и Монголии. Под его непосредственным руководством проводилась работа по привлечению государственных и партийных кадров в Монголию. Для оказания помощи в государственном строительстве и развитии народного хозяйства по линии ВКП(б) Коминтерна были отправлены многие бурятские деятели — Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Ц. Жамцарано, Б. Ишидоржин, С. Нацов (Шойжелов). СВН как составная часть Коминтерна, по сути, являлась главным центром по координации революционной работы в сопредельных странах, в азиатском и Дальневосточном регионе. В работу СВН непосредственно входила организационная поддержка оппозиционных партий, идеологическая, военно-техническая и финансовая помощь, подготовка национальных кадров в учебных заведениях Коминтерна Монголии, Японии, Китая, Кореи. Учебные заведения Коминтерна для подготовки национальных партийных кадров восточных народов были представлены Коммунистическим университетом трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистическим университетом Китая (КУТК).

Известный бурятский историк, профессор Л. Б. Жабаева, анализируя национально-демократическое движение монгольских народов в первой половине XX в., отметила, что в политике Коминтерна обращает на себя внимание два основных аспекта: «Во-первых, внешнеполитический, связанный с использованием коминтерновским руководством территории Монголии как выгодного плацдарма для развития революционного движения в азиатском направлении и поддержки китайских коммунистов. Во-вторых, внутривосточный, относящийся к упрочению позиций Коминтерна в ЦК МНРП и правительстве МНР и противодействию и борьбе с «правым уклоном», выступавшим за самобытный путь развития [3, с. 272].

Немаловажную роль в установлении народной власти в Монголии сыграли обстоятельства, связанные с освобождением Унгером столицы Внешней Монголии, Урги, от китайских захватчиков и восстановлением теократической монархии. К тому моменту у Коминтерна и большевистского руководства появились реальные обоснования на ввод частей РККА для уничтожения классового врага, угрожающего нападением на Советскую Россию. Для ликвидации азиатской дивизии Унгерна под руководством Коминтерна было разработано два плана. Первый план, разработанный с участием руководителя Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцким, состоял в ликвидации Унгерна вблизи советской границы. Для этого необходимо было выманить противника с помощью монгольских революционных частей.

В стратегическом понимании этот план позволил бы воздержаться от трудного военного похода в Монголию. Второй план, подготовленный руководством ДВР, напротив, отражал полномасштабную военную экспедицию в Монголию¹. Вместе с тем стратегически Китай оставался соперником Советской России, т. к. последняя оказывала помощь монгольским революционерам, борющимся за независимость, но практически в конце 1919 — начале 1920 гг. коминтерновское руководство рассматривало его как возможного временного союзника в борьбе с семеновским режимом и влиянием «старой» России.

---

¹ Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал (1921 оны гурав дугаар сарын 1–3. Ундсэн баримт бичгууд). [Первый великий хурал Монгольской народно-революционной партии. 1-3 марта 1921 г. Основные документы]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1971. 217 с.

Реализуя планы продвижения революционных идей на Восток, Коминтерн усилил свою деятельность в Монголии, используя ее территорию в качестве коридора для поддержки китайской революции. В ходе визита монгольской делегации МНП во главе с А. Амаром в Китай по приглашению генерала Фэн Юйсяна, командующего 1 Национальной армией, в г. Калган в апреле-мае 1925 г. прошли переговоры о возможности поставок оружия и боеприпасов из Советской России с транспортировкой через Монголию. Монгольская делегация (А. Амар, Ц. Навааннэрэн и Г. Гэлэгсэнгэ) стремилась установить контакт с влиятельным либеральным генералом Фэн Юйсяном, выяснить его намерения, заручиться дальнейшей поддержкой. Сам факт приглашения свидетельствовал о сдвигах в китайском общественном мнении о частичном признании монгольского правительства. Прояснились позиции сторон по многим конкретным вопросам, достигнута договоренность о создании совместной автотранспортной компании, состоялся взаимный обмен письмами. Делегация побывала также в Пекине, где прошли беседы с советским полпредом Л. М. Караханом и представителями ЦИК Гоминьдана¹.

Организационная и идеологическая работа монголо-тибетского отдела СВН состояла в активизации монголо-тибетской массы, расширении советского влияния, участии в борьбе с мировым империализмом с азиатской спецификой, должна была вестись с учетом всего комплекса этнических, социальных экономических, религиозных особенностей. В задачи монголо-тибетского отдела СВН входило установление тесных связей с Тибетом, создание партийных структур в больших центрах Монголии, привлечение активистов и агитаторов, активизация нелегальной революционной работы, организация сети агентуры и т. д. Для реализации поставленных задач руководством Коминтерна было принято решение о создании политической и военной школы подготовки кадров в г. Иркутске с обучением на монгольском языке. Необходимо отметить, что Коминтерн оказывал значительную помощь Монголии специалистами и инструкторами из числа родственных монгольязычных народов, прежде всего бурят и калмыков, знающих язык, обычаи и культуру монголов. Кроме того, предоставлял поддержку финансовыми, материальными и военно-техническими ресурсами.

Кроме того, советское и коминтерновское руководство при рассмотрении монгольского вопроса, несмотря на видимые стратегические перспективы, принимало во внимание и условия революционной целесообразности. Вследствие этого уже на этом этапе Коминтерн рекомендовал использовать в Монголии: 1) панмонголизм как основу для революционирования монгольских народов, что привело бы к объединению и росту национального самосознания монголов; 2) объединение всех слоев населения Монголии под лозунгами борьбы против китайского империализма. Что касается тактики классовой борьбы между различными слоями монгольского общества и создания советских органов, Коминтерн считал несвоевременным в данной ситуации [9, с. 89]. Коминтерн для реализации своих задач в деле распространения мировой революции способствовал панмонгольским планам для вовлечения монгольских народов Внутренней Монголии Китая в единое революционное движение. Ввиду этого укреплялись связи по линии Коминтерна с Народно-революционной партией Внутренней Монголии (далее — НРП ВМ) для оказания

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 70; Д. 33. Л. 5, 29.

идеологической, организационной, военной, материальной и другой помощи. Если исходить из сугубо стратегических соображений, Китай был противником Советской России», поскольку последняя поддерживала монгольских революционеров, отстаивающих свою независимость. Но чисто тактически Советская Россия для Китая выступала в роли союзника в борьбе за Монголию со старой Россией [9, с. 89]. После прохождения специальной подготовки коммунистические группы из китайского, японского, монголо-тибетского, корейского отделов СВН «перебрасывают в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах как партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну» [9, с. 91].

Необходимо отметить, что Советская Россия в тот период не желала портить отношения с Китаем из-за Монголии, поскольку с точки зрения революционной целесообразности многомиллионный Китай имел более привлекательные перспективы в будущей схватке с мировым империализмом. Вследствие этого были противоположные взгляды советских дипломатических и коминтерновских структур в отношении Монголии. В результате возник вопрос «Чем же является Монголия на самом деле: разменной монетой в советско-китайских отношениях или реальным субъектом международных отношений?». В острой дискуссии по монгольскому вопросу в связи с задачами китайской революции принимали участие видные представители Коминтерна — Э. Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Т. Рыскулов, С. Нацов (Шойжелов) и др. Все же идея «Китайской Федерации», которая была связана в тот момент с победой китайской революции 1925–1927 гг., неоднократно упоминалась на переговорах монгольской делегации в Иркутске и Москве, ставшей в конечном итоге программным документом Монгольской народной партии (далее — МНП, а с 1925 г. — МНРП). В частности, в ней отмечалось: «МНП стремится в будущем, объединив все монгольские народы, создать единое государство; ныне — сбросив жестокий китайский гнет, восстановить власть недавно уничтоженной автономной Внешней Монголии (п. 2)» [8, с. 75]. Отсюда следует, что авторы кяхтинской платформы (программы) МНП — бурятские национальные деятели Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино — были сторонниками идеи образования всемонгольского государства, которая получила в тот момент поддержку в лице руководства Дальневосточного секретариата Коминтерна.

В следующем пункте кяхтинской платформы МНП отмечаются идеи революционной целесообразности, где указывалось о создании нескольких независимых государств, ранее входивших в состав Цинской империи, связанных между собой взаимовыгодным договором, которые будут вести борьбу с китайским империализмом. В доказательство этому отметим, что в тот период Монголия придерживалась общей линии Коминтерна своей вовлеченностью в распространение идей мировой революции, это явно отражается в программных документах МНП [8, с. 76]. Вместе с тем Коминтерн всегда жестко контролировал идеологические, политические, организационные и иные вопросы не столько своих коминтерновских секций, а сколько «сочувствующих» партий, предъявляя им зачастую жесткие требования без учета самобытного развития, грубо вмешиваясь во внутренние дела, разделяя их на противоборствующие группы, на «правых» и «левых», «старых» и «новых», «худонцев», «оппортунистов», демонстративно расправляясь с самостоятельными монгольскими

руководителями, имевшими свои взгляды на дальнейшую судьбу своей страны¹. Более того, президиум Коминтерна выступил со специальной резолюцией относительно монгольского вопроса, касающейся большевизации МНП, на которую повлияли итоги V Конгресса Коминтерна (июнь-июль 1924 г.) Хотя, как мы помним, МНП была принята в Коминтерн как «сочувствующая партия» и в данном случае на нее не могли распространяться директивы, постановления коммунистических секций, непосредственно входящих в него².

Как отметил монгольский историк О. Батсайхан, «со стороны Коминтерна предпринимались попытки по расколу руководителей партии и государства Монголии на «правых» и «левых», а также по делению на «сельских» и «городских», «старых» и «молодых» [2, с. 203]. Все эти действия Коминтерна не могли ограничивать деятельность монгольских руководителей в принятии самостоятельных политических решений и альтернативных путей развития, но ставили их под контроль советских партийных органов. Во внутривластной борьбе в Монголии Коминтерн также всецело поддерживал позицию «левых», выступающих за социалистическое развитие и борющихся против «правых», сторонников национально-демократического пути развития. Также негативные последствия для поступательного развития Монголии имели межличностные конфликты представителей Коминтерна в Монголии.

В связи с этим следует упомянуть об острой политической борьбе, переросшей в межличностный конфликт между двумя видными представителями советского и коминтерновского руководства в Монголии — Э.-Д. Ринчино и Турара Рыскулова. Э.-Д. Ринчино, один из лидеров революционного и национального движения, стоял у истоков создания бурятской автономии, организатор и участник монгольской революции, председатель Реввоенсовета МНР. В 1921 г. был отправлен в Монголию в качестве советника Дальневосточного секретариата ИККИ, принимал участие в боях по уничтожению белогвардейских частей барона Унгерна, за что в 1922 г. был награжден орденом Боевого Красного Знамени и серебряным орденом МНР. Что касается политических амбиций Э.-Д. Ринчино, то он, на наш взгляд, пытался каким-то способом объединить несовместимые на первый взгляд вещи, касающиеся панмонгольских устремлений создать общемонгольское государство и мировое революционное движение, которое, в свою очередь, не всегда шло в общем русле политики коминтерновского руководства.

Казалось бы, оба представителя Советского государства Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскулов должны были совместно работать на благо укрепления советско-монгольских связей и построения социализма в Монголии. Но на деле противостояние Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскулова объяснялось в первую очередь, на наш взгляд, через призму личных неприязней и обострившегося соперничества за лидерство вне зависимости от их принципиальных разногласий. Поскольку оба выступали за ускоренное социалистическое развитие, более тесные связи с Советским Союзом, борьбу с правым уклоном и т. д.

Стоит отметить, что в конфликт были вовлечены монгольские и коминтерновские руководители, поддерживавшие как Э.-Д. Ринчино, так и Т. Рыскулова. В частности, это относится к позиции полпреда в лице А. Н. Васильева, вы-

¹ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 1. С. 212. Текст: непосредственный.

² История Монголии XX век. Москва: ИВ РАН, 2007. С. 75. Текст: непосредственный.

ступавшего на стороне Э.-Д. Ринчино и, вероятно, имевшего старые счеты с Т. Рыскуловым по работе в Туркестане [10, с. 59]. Вместе с тем было принято немало программных разработок на заседаниях правительства и съездах ЦК МНРП по вопросам хозяйственной, общественной жизни Монголии. В то же время не обошлось без явных промахов и ошибок — не были учтены особенности местной специфики, авторитарные методы управления, чрезмерный радикализм. Т. Рыскулов в своей работе руководствовался мнением, бытовавшим в Москве, что нужно освободить монголов от чрезмерного влияния Ринчино.

Таким образом, очередной конфликт между Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскуловым привел к тому, что ЦК МНРП на закрытом заседании 15 июня 1925 г. принял решение отозвать обоих в Москву [7, с. 70]. По мнению известного специалиста политической истории Монголии С. К. Рощина, «национальным демократам, находившимся под перекрестным огнем критики со стороны коминтерновских представителей и худонской оппозиции, с немалым трудом удавалось проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов» [10, с. 59]. К тому времени происходило формирование политического кредо национальных демократов на объединение национально-демократических сил без противостояния различных уклонов. Но такой консолидации не произошло ввиду жесткого давления коминтерновского руководства, взявшего курс на радикальные меры социальных преобразований в Монголии. Вместе с тем национально-демократические идеи в монгольском обществе все еще продолжали находить отклик у широких слоев населения.

К 1928 г. в советском партийном и коминтерновском руководстве упрочивалась линия на форсирование борьбы с национальными-демократами, представляющими т.н. «правую опасность» в МНР. На состоявшемся VII съезде МНРП (23 октября — 11 декабря 1928 г.) в решающей схватке между «правыми» и «левыми» о путях развития МНР при поддержке делегации ИККИ действовавшие согласно резолюции по монгольскому вопросу национальные демократы потерпели поражение [10, с. 59]. К 1932 г. в результате допущенных ошибок и перегибов, связанных с форсированными темпами коренных социальных преобразований, проводимых сторонниками радикальных мер (левыми), слабого учета местных особенностей, наблюдалось резкое ухудшение положения в Монголии.

Более того, применялся комплекс радикальных мер сторонниками левого уклона, таких как антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов монастырских хозяйств, что вызывало широкую волну недовольства среди населения. В результате произошло вооруженное противостояние 1932 г., вошедшее в историю как «Хубсугульское восстание». По масштабу участников и охвату значительной территории МНР некоторые историки склонны считать ее полноценной гражданской войной, на подавление которой были привлечены значительные силы МНРА, а их организаторы и участники были подвергнуты преследованиям и репрессиям [5, с. 212]. В 1932 г. в МНР состоялся III Чрезвычайный пленум ЦК МНРП, вошедший в монгольскую историю под названием «Новый курс». Само слово «чрезвычайный» свидетельствует об экстренности созыва пленума и значительной важности обсуждаемых и принимаемых решений. Необходимо отметить, что прежде всего они были направлены на исправление ситуации, сложившейся в МНР, недопущение разрастания вооруженного восстания вследствие тех промахов и перегибов, допущенных «левыми»

и коминтерновским руководством на местах. По мнению авторов коллективной монографии «История Монголии XX в.», с этого времени в советско-монгольских отношениях работа уполномоченных Коминтерна в МНР направлена на единоначалие, непосредственно на межпартийные и межгосударственные связи¹.

Таким образом, первоначально политика Коминтерна Монголии была связана с революционной целесообразностью и проводилась в рамках распространения идей мировой революции на Восток, где Монголии была отведена роль плацдарма в революционизации Китая и других стран Востока с использованием всего комплекса задач и целей, идеологических, организационных, финансовых, военных средств коминтерновского руководства. Что касается монголов, в тех исторических реалиях ввиду объективных и субъективных причин помощь в отстаивании независимости могла оказать только Советская Россия в рамках предложенной им модели социального развития. Во внутривластном плане Коминтерн в Монголии для укрепления собственных позиций и советских партийных структур делал ставку на левые силы, ориентировавшиеся на радикальные социалистические преобразования.

Вследствие этого Коминтерн боролся с представителями национально-демократического пути развития (правыми). Безусловно, реализация идей коминтерновским и советским руководством ускоренного социалистического развития в Монголии происходила зачастую без учета местных особенностей и с насаждением чуждых идей (антирелигиозная кампания, насильственная кооперация аратов, повышение налогов, отмена частной собственности), что приводило к ухудшению жизни людей и вооруженным восстаниям. В то же время необходимо отметить, что коминтерновским и советским руководством была оказана значительная помощь в создании национальной промышленности, в развитии образования, медицины.

С 1930-х гг. происходит постепенное свертывание деятельности коминтерновских структур в МНР и взят курс на иную модель советско-монгольских взаимоотношений, ориентированных на единоначалие в межпартийном и межгосударственном плане. Этому способствовало сложившаяся международная обстановка, связанная с нарастанием очага напряженности в Азии и на Дальнем Востоке. Возрастала японская угроза, что указывало на необходимость укрепления обороноспособности МНР и создания военного союза. На наш взгляд, на современном этапе актуально более глубокое исследование деятельности Коминтерна в Монголии с учетом всех положительных и отрицательных последствий, а также внутривластных и международных факторов.

Литература

1. Адиев Г. М. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. Москва: РОССПЭН, 1997. 287 с. Текст: непосредственный.
2. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 384 с. Текст: непосредственный.
3. Жабаяева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с. Текст: непосредственный.
4. Железняков А.С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. 2001. № 1. С. 46–60. Текст: непосредственный.

¹ История Монголии XX век. Москва: ИВ РАН, 2007. С. 75. Текст: непосредственный.

Э. В. Батунаев. Коминтерн в национально-революционном движении монгольских народов

---

5. Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. Москва: Изд-во МБА, 2015. 212 с. Текст: непосредственный.

6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1983. Т. 44. 662 с. Текст: непосредственный.

7. Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция // Восток. 1996. № 1. С. 65–75. Текст: непосредственный.

8. Лузянин С. Г. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 9. С. 143–147. Текст: непосредственный.

9. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. Москва: ИДВ РАН, 2000. 268 с. Текст: непосредственный.

10. Рощин С. К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): доклады российской делегации. Москва: Изд-во РАН, 1997. С. 59–64. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 26.04.2023.

COMINTERN IN THE NATIONAL REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Eduard V. Batunayev

Cand. Sci. (Hist.), Researcher,

Department of History and Culture of Central Asia,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

batunaeveduard@mail.ru

Abstract. The article deals with the problematic and key issues of national historiography, theoretical and methodological aspects of the policy of the Comintern in the national revolutionary movement of the Mongolian peoples. The relevance of the study is determined by the fact that currently more and more attention is paid to the revolutionary processes in a broader historical context within the framework of transnational history. We have come to the conclusion that the foreign policy of the Comintern was aimed at spreading the ideas of the world revolution and the struggle against international imperialism. On the back of the defeat of the revolutionary movement in Europe, the Asian way of revolutionization became the most promising. The Comintern acted as a kind of corridor for the dissemination of the ideas of the world revolution to the East, and primarily to China. In the policy of the Comintern, Mongolia and the related Mongolian question occupied an important place in terms of promoting revolutionary ideas using the national liberation movement of the Mongolian peoples — pan-Mongolism. With the change in the international situation and the military threat from Japan, the Comintern focused on strengthening its own positions, supporting the left-wing views in the internal political struggle, as well as bilateral Soviet-Mongolian relations.

Keywords: the Comintern, Mongolia, revolutionization, pan-Mongolism, the "Mongolian question", geopolitics.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment (project "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States" No. 121031000241-1).

For citation

Batunayev E. V. Comintern in the National Revolutionary Movement of the Mongolian Peoples. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 91–99 (In Russ.).

The article was submitted 08.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 26.04.2023.